

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕЧИ В РАННЕМ ОНТОГЕНЕЗЕ ЧЕЛОВЕКА (СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

И.Г. Маланчук (Красноярск)

Аннотация. Рассматриваются методологические основания исследования систем и форм речи в онтогенезе человека. Предлагаются новейшая концепция речи как психологического феномена и мультидисциплинарный подход к анализу форм речи – речевых жанров.

Ключевые слова: речь, формы речи, системогенез, антропогенез, онтогенез речи, мультидисциплинарность.

Разрешение проблемы речи в психологии, лингвистике и смежных им дисциплинах требует «пересборки» имеющихся данных. Необходимо ответить на следующие вопросы: существует ли речь как особая система, отличная от абстрагированной языковой системы и использования языка в устной и письменной речи; в каких формах существует и функционирует речь; каков характер отношений систем речи и языка. Это составляет содержание настоящей статьи. Описание феноменологии речи позволит дифференцировать:

1) речь как психический процесс и вербальное мышление;

2) речь и использование языка, что составит содержание второй статьи.

Решение имеющих долгую историю теоретических проблем только и может дать основания для адекватного изучения фактов речи, системогенеза речи, а также ее развития на разных этапах онтогенеза (последнее будет отражено в статье третьей). При этом важна организация мультидисциплинарного исследования речи: оно задает ту необходимую системность исследования, которая сводит воедино разрозненные факты и феномены, отдельные аспекты которых анализируются узкодисциплинарно либо в междисциплинарных исследованиях фактически без согласования существующих научных аппаратов различных дисциплин.

В истории лингвистики (включая риторику, функциональную стилистику, синтаксис), психологии (общей, психологии общения, психологии речи), а также смежной области – психолингвистике – понятие речи или напрямую связывается с языком (происходит хоть и неполная, но синонимизация терминов), или подменяется им. Существуют такие определения речи: «Речь – это процесс пользования языком... Речь является реализацией языка... Речь – использование языка в коммуникативных целях» [6. С. 45]; речь – это деятельность говорящего, применяющего язык для взаимодействия с другими членами языкового коллектива [1]; речь «может быть определена и через общение: это вербальное общение...» [10. С. 83]; показательно следующее разъяснение: «Язык и речь... представлены как бы в оппозиции. Такое восприятие... было бы ошибочным: цель автора – не отделить речь от языка, а представить речь и язык в единстве как две стороны единого феномена» [10. С. 87]. Будучи объектом психологических исследований, речь рассматривается как процесс психофизиологический [17]; как психический процесс в контексте вербаль-

ного мышления и использования человеком языка [3]; с позиций речевой деятельности, результатом которой (а также предметом декодирования) является вербально оформленное высказывание [7]; лингвоцентрический подход к речи характеризует в целом работы Л.С. Выготского [4], А.Н. Леонтьева [8], нейропсихологические исследования А.Р. Лурии [9] и его учеников, работы М.С. Роговина [12] в области патопсихологии речи, многочисленные психолингвистические исследования, в том числе моделирующие процессы речепорождения – восприятия речи [7, 15]. Таким образом, предложенная Ф. де Соссюром оппозиция «язык – речь» (в его концепции – с акцентом идеи создания «лингвистики языка» и «лингвистики речи» [16]) остается актуальной проблемой лингвистики, речеведения и психологии речи.

Отдельными исследованиями последних двадцати лет готовился прорыв в области психологии речи. Так, начиная с 1985 г., возрождая идеи М.М. Бахтина, в речеведении и лингвистике активно разрабатывается теория речевого жанра. При этом речевой жанр понимается как метакатегория модуса предложения [20]; как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия» [13. С. 115]. В традициях лингвистических можно определить речевой жанр как специфическую метатекстовую категорию, характеризующую прагматическую направленность высказывания («общий смысл высказывания», по А.Р. Лурии).

Однако такого понимания речевого жанра недостаточно: необходимо преодоление лингвоцентризма, что позволит выделить «речевой компонент» высказывания, что в свою очередь актуализирует проблему генезиса речи как проблему семиотическую (что есть речь как знаковая система в противопоставлении знаковой системе естественного человеческого языка) и как проблему психологическую (каковы специфика содержания, происхождение «знаков речи», их развитие в онтогенезе).

Лингвоцентрический подход к речи преодолевается в работах Н.А. Коваленко, изучающей развитие просодических конструкций на материале немецкой детской речи и предложившей соответствующую периодизацию [5], в поздних работах Т.В. Шмелевой, разрабатывающей категориальный аппарат анализа форм речи – речевых жанров [19], а также в нейропсихологических исследованиях, проводимых К. Steinhauer, К. Alter & A. Friederici в отношении рассогласования восприятия синтаксических и просодических конструкций высказывания [23].

Необходимо отметить, что в лингвистической прагматике, в современной антропоцентрической лингвистике постулируется несовпадение значений – смыслов вербальных средств и конструкций и смысла целостного высказывания, существование припропозитивных [2, 14] и множества модусных смыслов предложения [14], вклад в смысл высказывания многочисленных характеристик прагматической ситуации – от социальных и коммуникативных статусов Автора и Адресата, их коммуникативных намерений (интенций) до особенностей их личностей. Остается, однако, не проясненным, что есть форма речи (речевой жанр) как «лингвистический» феномен, что составляет его психологическое содержание, каков вклад речевых конструкций в формирование смысла высказывания и как обеспечивается доступность высказывания для адекватной интерпретации собеседником.

Предлагаемый нами подход к изучению речи устанавливает соответствие между просодическим компонентом высказывания, традиционно исследуемым в рамках фонетики языка, и такой семантически и прагматически значимой его характеристикой, как речевой жанр. Полагаем, что речежанровая составляющая высказывания оформляется генетически ранее и прежде всего просодией вокальной фразы; лишь впоследствии, при интеграции в формы речи языковых конструкций, можно обсуждать влияние вербальной составляющей на жанровую семантику высказывания (ср.: [13. С. 115]).

Фокусирование на слове – факте языка, словоцентризм, в том числе при анализе речи, отодвигает на второй план собственно речь: при обсуждении проблемы «звук – значение» не удерживается множественности характеристик звука и, соответственно, параметров описания звука как такового, использующегося в качестве социального сигнала, включая звучащее предложение (высказывание). Если же в центре внимания удерживать именно высказывание (формы довербальной речи – вокализации, холофразу – однословное высказывание ребенка, вокализации, наблюдаемые в речи взрослых, наконец, просодический компонент вербального высказывания), то очевидно, что интонирование, мелодический рисунок фразы, паузирование, длина, сила и громкость звука, обладая первоначально определенным семантическим и прагматическим потенциалом, становясь регулярными коммуникативными сигналами, значимы в речи, и прежде всего – для распознавания жанровой семантики.

Перечисленные параметры звука, потенциально имеющие возможность быть упорядоченными и действительно упорядочиваемые мышлением, создают особый по сравнению с реализацией языка в речи феномен – речь.

В ее собственных формах речь понимается нами как особым образом упорядоченная звуковая вокальная материя.

В антропогенезе процесс упорядочения ее идет в направлении, отличном от процесса создания естественного человеческого языка, который определяется про-

цессом фонематизации звука, когда мышление – сознание удерживают, прежде всего, качественные характеристики звука, определяемые местом и способом его образования, и когда есть возможность для создания идеального и устойчивого образа слова и его психической интеграции с образом объекта. В антропогенезе этот процесс реализуется позднее, нежели речь: создание абстрактного языкового знака объекта, в том числе социального, требует особого уровня развития мышления. Напомним здесь, что Ф. де Соссюр считал принципиально важным саму возможность человеческого мышления – сознания создавать язык – и что речь не является основой и необходимым фактором возникновения языка: «...сущность языка не связана со звуковым характером языкового знака» [16. С. 10]; то же находим у Д. Мак-Фарленда: «Речь не является необходимой составляющей языка» [11. С. 332–333].

Упорядочение речевого «потока» происходит в направлении формирования звукокомплексов, которые традиционно описываются как интонационные конструкции. Однако термин «интонационная конструкция» не вполне адекватен многогранному речевому материалу, который представляет собой вокальные коммуникативные сигналы – регуляторы социального взаимодействия. Помимо интонации, речевая реальность высказывания, свободная от его естественно-языкового содержания, обладает еще рядом интенсивностных и временно-пространственных характеристик: динамикой частоты основного тона, длиной (и, соответственно, паузированием), силой, громкостью. Возникновение системы речи определено упорядочением этих временно-пространственных и интенсивностных характеристик звука и созданием целостного акустического образа формы речи. При интеграции его с аффектом и образом формы социального взаимодействия, включая прагматику ситуации в статико-динамических ее характеристиках, создается дифференцированная форма речи. Эти интегративные комплексы позволяют говорить о специфических конститутивных признаках формы речи (речевого жанра) в аспектах акустическом и социально-прагматическом и о формировании специфических «знаков речи», создающих реальность целостного высказывания, значимую для понимания динамики социального взаимодействия, ориентации в целях партнера, планирования ответа, регулирования взаимодействия с партнером-собеседником.

Таким образом, сложные, многомерные звукокомплексы речи есть особая знаковая, в семиотическом смысле «языковая» реальность; они имеют фиксированное прагматическое, коммуникативное значение, используются в типичных ситуациях речевого взаимодействия и являются неким инвариантом речевого жанра. Так, жанр просьбы реализуется в различных просодических вариантах: «нейтральном», который часто встречается в быту и обязателен в деловой сфере; «настоятельной просьбе», которая

произносится даже будучи риторично оформленной, с усилением и удлинением звука на каждом слоге и слове целостного высказывания-просьбы; «нижайшей просьбе», произносимой на высоком звуке и с растягиванием звука; даже в речи взрослого просьба может быть выражена серией коротких высоких вокализаций; при определенных обстоятельствах она может вовсе не реализоваться, может не быть озвученной, и т.д. То есть в самом широком смысле мы можем говорить о вокальном инварианте речевого жанра – формы речи – и его «функциональных вариантах», развивающихся под воздействием определенных параметров прагматической ситуации, особенностей социального взаимодействия коммуникаторов. Речевые конструкции, таким образом, развивают систему дериватов, и это происходит так же, как развивают систему дериватов предложения, реализуемые в речи в определенных ситуациях: «нейтральное» *Идет дождь* развивает, например, модальные дериваты *Пошел бы дождь / Дождя бы; Должен пойти дождь; Пора уж дождю пойти/ быть; Быть дождю* и т.д.

Эволюционно-генетический подход к анализу фактов речи заставляет соотнести систему речи человека и вокальное взаимодействие животных.

Продолжающиеся биологами и зоопсихологами исследования речезыковой способности животных допускают и в настоящее время лишь несмелые утверждения о том, что речь человека имеет генетические корни. Что в данном случае имеется в виду – язык ли собственно или возможность звукопроизнесения и, соответственно, распознавание звуковых сигналов животными, не проясняется.

Полагаем, что системы голосовых коммуникативных сигналов животных различных видов, возникшие и развивающиеся в животном мире в филогенезе и реализующиеся с ограничениями по сравнению с человеческим типом и культурными формами речи, адекватно отражают определенные уровни развития психики животных – от генетически заданных голосовых проявлений до сложных вокальных сигналов, усваиваемых в процессе научения и развития социальных контактов. Таким образом, мы выходим на установление отношения человеческой системы речи к наличествующим в животном мире системам голосовой коммуникации. Это отношение понимается нами как частный, видоспецифичный случай реализации речи и подкрепляется результатами исследований как внутривидовой голосовой коммуникации животных – птиц, сусликов, дельфинов, лошадей, маргитшек, гиббонов [18, 21, 22 и др.], так и межвидовым голосовым взаимодействием некоторых видов, близких (например, лошадь – зебра – осел) и даже неродственных (человек – лошадь, человек – обезьяна, человек – тигр, человек – кошка, человек – собака), чье вокальное взаимодействие может приводить к взаимопониманию [18 С. 263]. Исследование систем речи животных с новых теоретических позиций может дать по-

нимание их особенностей по сравнению с человеческой речью, уточнить существующие представления о «языке» животных.

Сложно организованная культурная форма человеческой речи – вербальное высказывание – ставит вопрос об исследовании интеграции речи и языка (как системы, так и в его функционировании). В настоящее время это лежит, по большей части, за границами осуществляемого нами эмпирического исследования детской речи. Однако считаем нужным хотя бы схематически обозначить теоретические подходы к проблеме, рассматривая ее в трех аспектах.

Первый – интеграция речи как психического процесса, имеющего специфический результат, с другими психическими процессами, в частности с процессом вербального мышления. Отметим здесь только, что выделяя речь как психический процесс в системе психических процессов и определяя его место как предшествующее в фило-, антропо- и онтогенезе процессу становления языка, языкового мышления, мы полагаем, что интегративные отношения необходимо исследовать в перспективе «от языка к речи» и «от речи к языку».

Второй аспект – интеграция речи и языка как систем, репрезентирующих соответственно «речезанровое мышление» (К.Ф. Седов) и вербальное мышление в аспекте осмысления социального взаимодействия. Осуществляясь на двух уровнях – невербальном и вербальном, мышление отражает *реальность социально-коммуникативного взаимодействия*: в первом случае операндами его являются образы целостных ситуаций речевого взаимодействия, во втором – образы слов с прагматическим, коммуникативным значением как в аспекте акустическом, так и в аспекте их значения, представляющего собой развертку коммуникативной ситуации, реализующей ситуацию речи. Можно утверждать, следовательно, что оба процесса – речезанровое мышления и вербального мышления – представлены в интегрирующей их (в различных феноменах-результатах) структуре сознания человека. Мы сказали ранее, что речь в филогенезе и антропогенезе предшествует развитию языка на базе становления вербального мышления. И как более ранняя система интегрирована позднее – языком: речевые структуры, репрезентирующие сложный в структурном и функциональном отношении коммуникативный акт, осмысливаются как дискретные феномены и, будучи абстрагированными от акта восприятия реальной коммуникации в формах языка, представлены в языковом сознании человека.

Третий аспект – интеграция речи и процесса использования языка в коммуникативном акте. По данному вопросу мы придерживаемся следующей точки зрения. Речь осуществляется человеком в двух формах – «языковых» и языковых. В последнем случае процесс речи в человеческой коммуникации позволяет использовать язык как оптимальное и соответствующее определен-

ному уровню развития человека средство. В высказывании, связанном единым генеральным замыслом, прагматическая целостность удерживается всем используемым звукокомплексом в его жанрово-специфичной просодике, дискретность же, динамика отношений, а также дискретность объектов, составляющих целостную ситуацию, выражаются отдельными речевыми жанрами и отдельными лингвистическими единицами, интегрируемыми в формы речи.

При исследовании психологических, лингвистических, психолингвистических закономерностей использования языка в речи и процесса их интеграции в коммуникативном акте можно полагать, что: 1) системы смыслов, трансляция которых возможна и за счет речи, и за счет языка, вероятнее всего, не дублируются этими системами; 2) интеграция языка в речь требует от речевых форм определенных трансформаций – под языковые структуры.

Особый интерес данная проблема представляет в аспекте развития в языковом сознании ребенка (начиная с момента освоения языка, становления языкового сознания) представлений о речи, речевой коммуникации. Исследование в этом ракурсе позволило бы прояснить не только то, что ребенок знает о речевой коммуникации и как уточняются его представления о речи при переходе на использование языка в речи, но и получить информацию о коммуникативно-речевых правилах, вырабатываемых ребенком в процессе общения и имплицитно содержащихся в реальных речевых произведениях детей, в том числе частично в вербальных структурах.

Речь представляет собой систему, отличную от системы естественного языка и использования его в уст-

ной и письменной речи. Оформление и развитие системы речи в антропогенезе происходит как упорядочение вокальных сигналов, обладающих сложной структурой временно-пространственных и интенсивностных характеристик звука, интегрированных с аффектом и образом формы социального взаимодействия в ее статико-динамических характеристиках.

Интегративные, многомерные, регулярно используемые в типических ситуациях социального взаимодействия звукокомплексы являются специфическими «знаками речи», создают реальность целостного высказывания, значимую для понимания динамики социального взаимодействия, ориентации в целях партнера, планирования ответа (не обязательно вербального), регулирования взаимодействия с партнером. Целостные образы форм речи квалифицируются как речевые жанры. Эта категория оказалась эвристичной для понимания психологического, социально-прагматического, коммуникативного аспектов речевой реальности.

Характер отношений систем речи и языка – взаимодействие и взаимная интеграция с разными возможностями интеграции языка в речь и речи в систему языка. Взаимодействие их позволяет транслировать не дублирующиеся на уровне реализации речи и языка в целостном высказывании системы смыслов, а в случае необходимости – их неконгруэнтность. Интеграция форм языка (от холофразы до сложного предложения) в речь требует от речевых форм трансформации под языковые структуры; в свою очередь язык интегрирует речь путем выработки «лексики речи», возможно, особого синтаксиса – отражения средствами языка форм речи, особенностей и характера речевого взаимодействия.

Литература

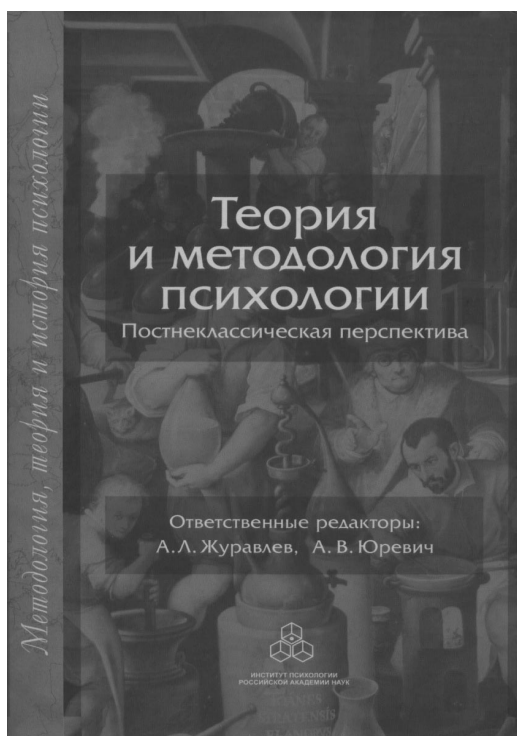
1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Белошапкова В.А. Смысловая организация предложения // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981.
3. Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 2000. С. 605–627.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5–361.
5. Коваленко Н.А. Системный подход к фразовой просодии слова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.
6. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: Учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2001.
7. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969.
8. Леонтьев А.Н. Генезис человеческой речи и мышления // Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003. С. 278–308.
9. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1975.
10. Львов М.Р. Основы теории речи. М., 2000.
11. Мак-Фарленд Д. Язык и психические представления // Сравнительная психология и зоопсихология: Хрестоматия / Сост. Г.В. Калягина. М., 2001. С. 321–328.
12. Роговин М.С. Проблемы патологии речи и мышления в клинике шизофрении. Сообщения I–V // Журнал невропатологии и психиатрии. 1972. Т. 72. С. 118–123, 1722–1728; 1973. Т. 73. С. 447–456.
13. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психологические и лингвистические аспекты. Саратов: Изд-во СГУ, 1999.
14. Системный анализ значимых единиц русского языка: Смысловые типы предложений: Сб. статей. Красноярск, 1994. Ч. 1.
15. Современные модели психологии речи и психолингвистики. М., 1990.
16. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1998.
17. Ушакова Т.Н. Психология речи и психолингвистика // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 6. С. 12–25.
18. Шефер М. Язык лошадей: Образ жизни, поведение, формы общения. М.: Аквариум-Принт, 2004.
19. Шмелева Т.В. Риторика и речеведение // Предмет риторики и проблемы ее преподавания. М., 1998. С. 45–50.
20. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.

21. Arnold K., Zuberbühler K. Language evolution: Semantic combinations in primate calls. Putty-nosed monkeys rely on two basic calling sounds to construct a message of utmost urgency // *Nature*. 2006. Vol. 411. P. 33.
22. Seyfarth R., Cheney D., Marler P. Monkey responses to three different alarm calls: evidence to predator classification and semantic communication // *Science*. 1980. Vol. 210. P. 801–803.
23. Steinhauer K., Alter K., Friederici A. Brain potentials indicate immediate use of prosodic cues in natural speech processing // *Nature Neuroscience*. 1999. № 2. P. 191–196.

METHODOLOGICAL BASES FOR THE RESEARCH OF SPEECH DEVELOPMENT IN THE EARLY ONTOGENESIS OF A HUMAN (PART 1)
Malanchuk I.G. (Krasnoarsk)

Summary. In this article we consider methodological bases for speech forms and systems, which are characteristic for the ontogenesis of a human. A modern conception of speech as a psychic phenomenon and a multidisciplinary approach to the speech forms and speech genres' analysis are suggested below.

Key words: speech, forms of speech, systemogenesis of speech, antropogenesis of speech, ontogenesis of speech, multidisciplinary.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 528 с. (Методология, теория и история психологии)

В книге, представляющей собой сборник статей ведущих отечественных методологов психологии, рассматриваются ее наиболее актуальные методологические проблемы – как «вечные», сопровождающие психологическую науку с ее первых шагов, так и новые, обострившиеся на постнеклассической стадии ее развития. Описывается судьба ряда базовых исследовательских направлений отечественной психологии, их современное состояние и перспективы. Анализируются возможности интеграции психологии, традиционно разобщенной на разные школы и исследовательские направления, перспективы построения единой психологии в условиях легализации методологического плюрализма, характерного для современного этапа ее развития.

Книга предназначена для психологов, небезразличных к методологическим проблемам психологической науки и практики, а также для представителей смежных наук, интересующихся методологией социогуманитарного познания.